

72
М-34

ИЗДАТЕЛЬСТВО
С. П. ГРИГОРОВА

АКАДЕМИЯ АРХИТЕКТУРЫ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И ТЕОРИИ АРХИТЕКТУРЫ

**МАТЕРИАЛЫ
ПО ИСТОРИИ АРХИТЕКТУРЫ
НАРОДОВ ССР**

1575

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ АРХИТЕКТУРЫ ССР

1 9 4 4

СОДЕРЖАНИЕ: Н. Бакланов. *Архитектурные чертежи узбекского мастера XVI в.* А. Писарчик. *Памятники Кермине.* Л. Бретаницкий, С. Дамиев, Г. Елькин, Л. Мамиконов, Д. Мотис. *Архитектура жилого дома г. Нухи XVIII—XIX столетий.* В. Арутюнян. *Исследования Тороса Тораманяна.*

АРХИТЕКТУРНЫЕ ЧЕРТЕЖИ УЗБЕКСКОГО МАСТЕРА XVI ВЕКА

Н. Бакланов

Время Алишера Навои, ознаменованное блестящим расцветом поэзии, музыки, живописи, каллиграфии, отмечено выдающимися достижениями и в области архитектуры Узбекистана. Восхваляя город Герат, современники утверждали, что подобного ему нет во всем населенном мире. И действительно, сохранившиеся от того времени сооружения Самарканда (мавзолей Ишрат-хана и Ак-Сарай) не умаляют утверждения и позволяют судить, что восторги современников не были преувеличены.

Предлагаемый вниманию читателя очерк не имеет целью изучение и анализ осуществленных архитектурных сооружений, а касается лишь графического выражения архитектурных идей того времени. Большинство историков считало сомнительной возможность существования в ту отдаленную эпоху архитектурного чертежа и полагало, что в качестве «проекта» изготовлялись небольшие модели. Подобную модель держит в руках один из персонажей миниатюры Бехзада, изображающей сцену на постройке какого-то центрального здания¹. Описание этой миниатюры А. Якубовский, один из больших знатоков истории культуры Средней Азии, заканчивает следующими словами: «Изображение модели ставит один из интересных технических вопросов, а именно — производились ли главным мастером-зодчим какие-либо предварительные расчеты или мастер ограничивался только начертанием схематического плана постройки, следы чего дошли до нас, и исполнением модели, правильное соотношение частей которой находилось чисто эмпирическим путем. Вопросы эти несомненно интересные, но, к сожалению, наукою они еще не решены»². Нижеследующие строки могут дать некоторые данные для решения этого вопроса.

Среди собрания отдела рукописей Государственной публичной библиотеки Узбекской ССР имеется пачка свитков под №№ 16—23, пред-

¹ Миниатюра из рукописи 1467 г., исполненной Бехзадом в Герате. Воспроизведена в работе А. Якубовского «Самарканд при Тимуре и Тимуридах», Л., 1933. Изд. Гос. Эрмитажа (табл. 1).

² Там же, стр. 27, Разрядка наша. — Н. Б.

ставяющая собой собрание архитектурных чертежей и рисунков. Об этом собрании любезно сообщил хранитель отдела рукописей проф. А. А. Семенов, которому автор, пользуясь случаем, приносит свою глубокую благодарность.

Большинство свитков содержит планы сталактитовых комбинаций для декорации парусов, ниш или куполов; некоторые из этих чертежей являлись, видимо, лишь ученическими упражнениями. Большая часть

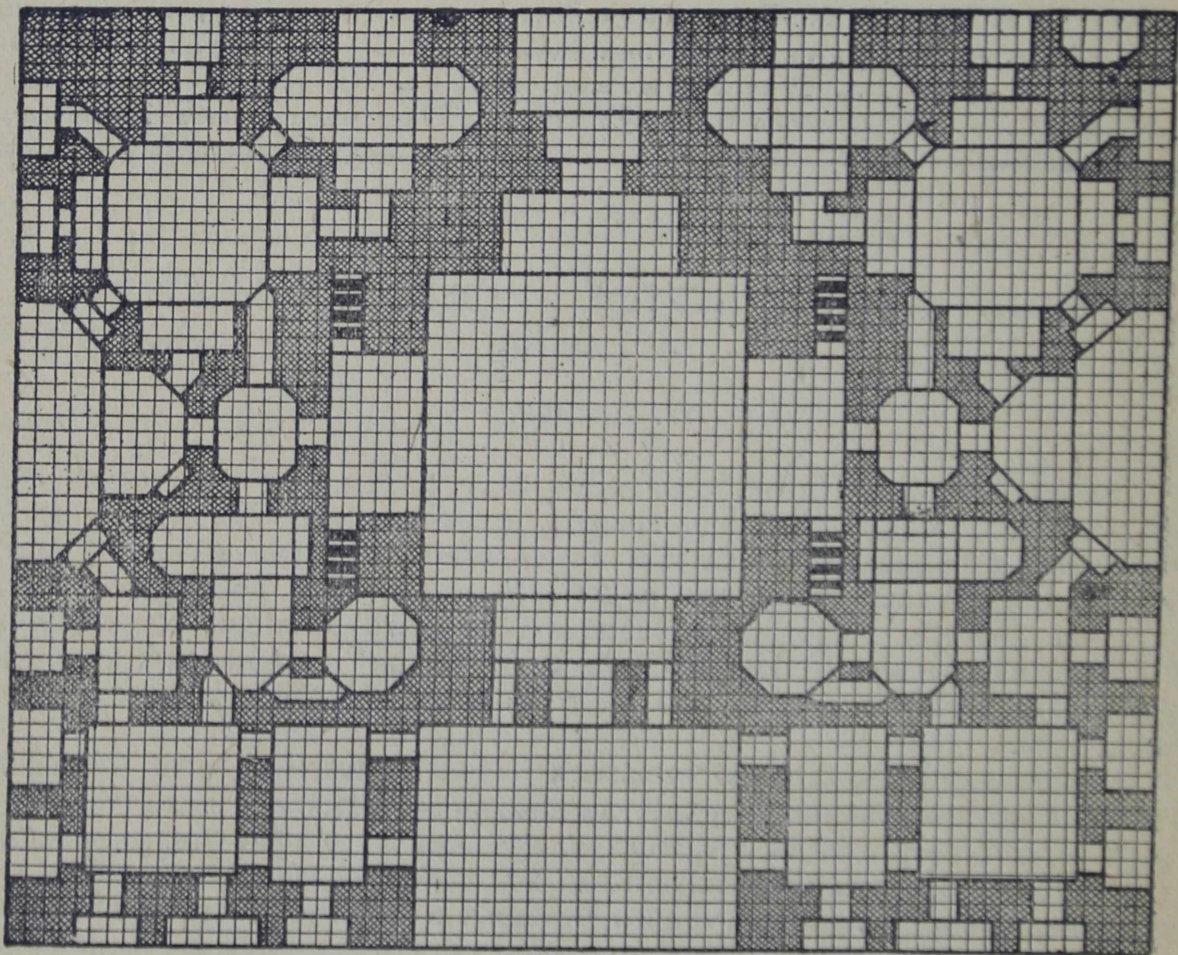

Рис. 1. Чертеж № 2 рукописи. Предполагаемый план мавзолея

рукописей датируется XVII веком. Две рукописи этого собрания выделяются по своему размеру, бумаге и содержанию. Одна из них (№ 16) представляет собой альбом орнаментов для выкладки из кирпичей с цветной поливой. Как показало тщательное изучение рисунков, композиция этих орнаментов составлена на основании точного геометрического построения, с чисто математическим расчетом размеров отдельных частей.

Изложение результатов этого анализа заняло бы слишком много места и потому должно составить содержание особой работы.

Здесь мы ограничимся рассмотрением рукописи № 17, аналогичной по характеру выполнения (в красках), по размеру и по бумаге. В этом свитке имеются три полных плана архитектурных сооружений: один — сохранившийся примерно наполовину (остальное оторвано) и четыре плана сталактитовой отделки плафонов и куполов или ниш.

По порядку размещения изображений планы зданий чередуются с планами сталактитовой декорации. Свиток разорван на два куска. Ширина его около 38 см. Длина сохранившихся частей — около 62 и 184 см, но, судя по обрывку плана, рукопись дошла до библиотеки не полностью, что отчасти можно предположить и по ее содержанию. Бу-

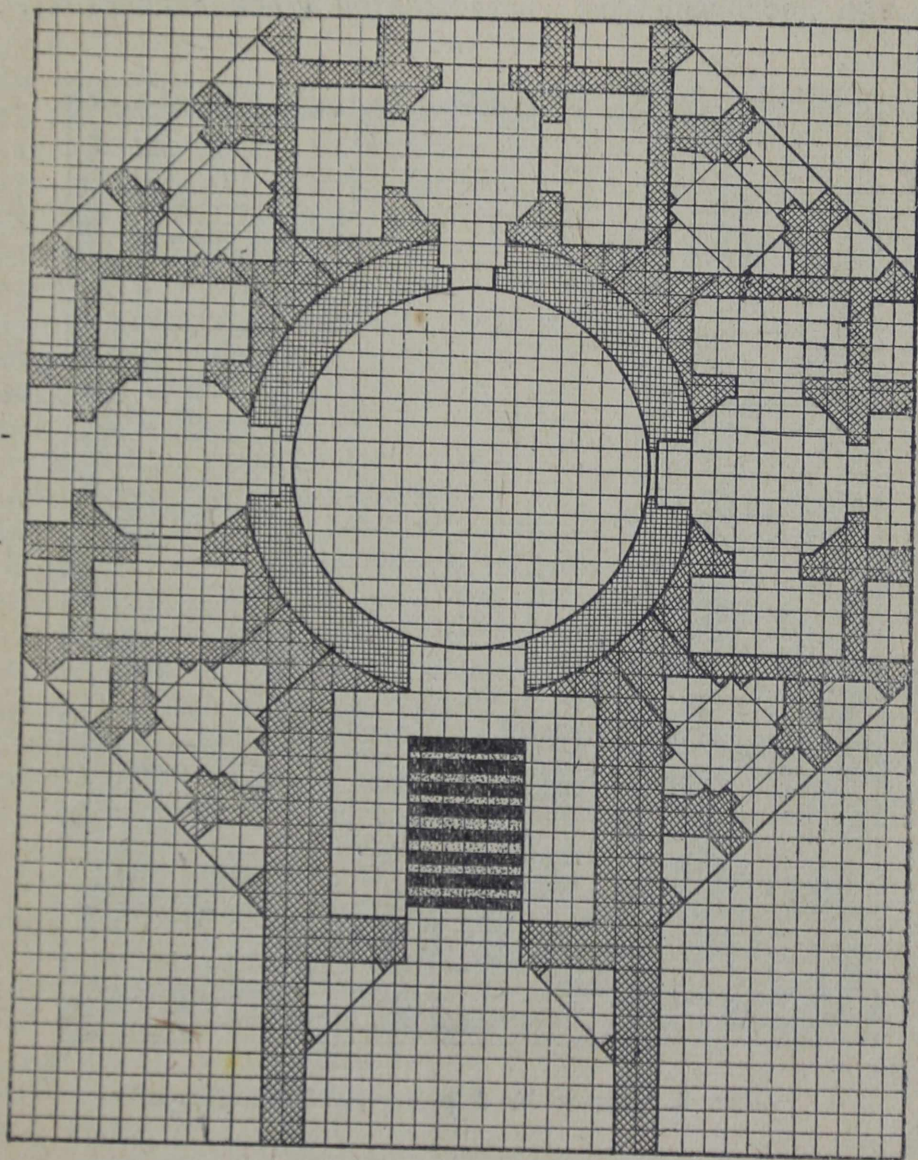

Рис. 2. Чертеж № 4 рукописи. Предполагаемый план сардобы (водохранилища)

мага очень плотная, хорошего качества, лощеная. По определению лаборатории консервации и реставрации документов Академии Наук СССР, бумага — самаркандской работы XVI в. Это вполне совпадает и с определением Публичной библиотеки Узбекской ССР, так что датировку рукописи, повидимому, можно считать бесспорно установленной. Содержание ее (как и рукописи № 16) не противоречит этой датировке.

Наибольший интерес среди изображений этой рукописи представляют планы сооружений (рис. 1, 2, 3, 4). Все они в графическом отношении выполнены очень хорошо, можно даже сказать блестяще.

Линии проведены пером, повидимому, гусиным или иным птичьим. Это показывает характер линий, как бы двойных, со слабее окрашенной серединой. Местами линии от нажима слегка утолщены, и при увеличении видно, что края их неровные, как бы взлохмаченные. При черчении употреблялись краски (туши?): черная, зеленая, красновато-оранжевая и охристо-желтая. Для окраски чертежей, особенно сталактивов, к ним добавлена еще светложелтая (типа индийской). Черная

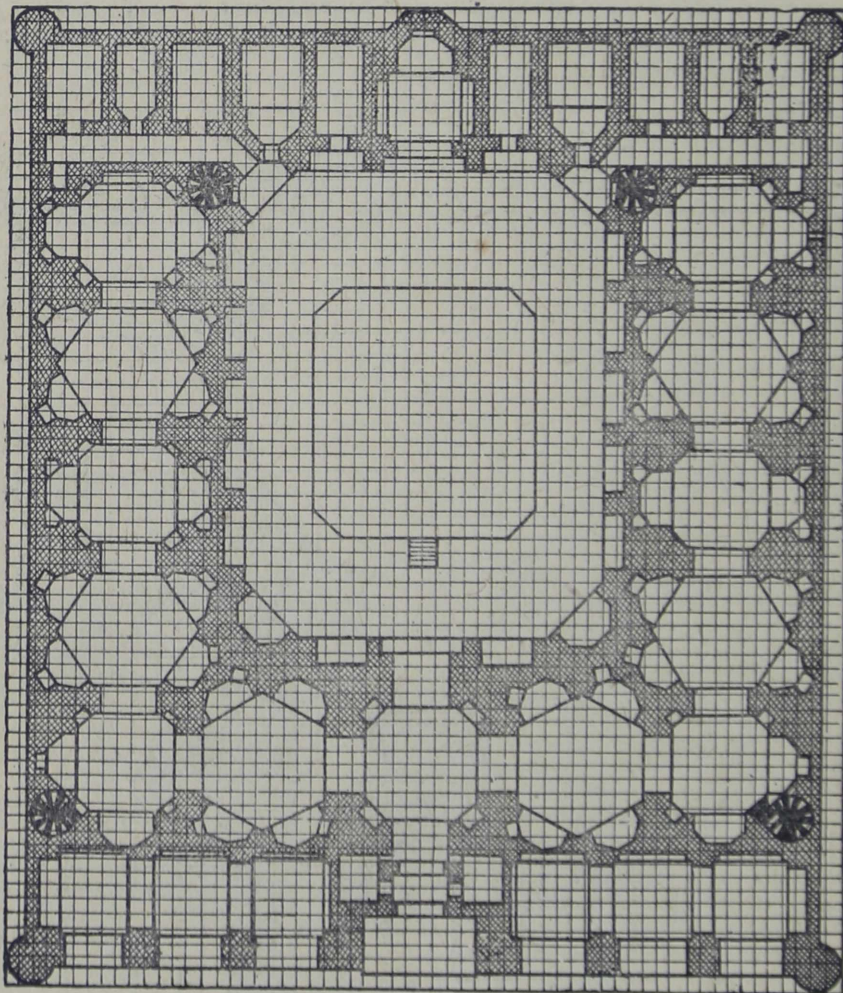

Рис. 3. Чертеж № 6 рукописи. План базара

краска — из сажи, с очень слабым связующим, — легко смывается при смачивании водой. Зеленая — из медной окиси. В местах окраски ею бумага сильно истлела и местами выпала. Выпали также отдельные площади чертежей, обведенные зеленым контуром. Остальные краски, повидимому, растительного происхождения, — от увлажнения ослабляются, но не смываются совсем, подобно черной; на бумагу разрушающего действия не оказали.

В двух чертежах основные линии нанесены красно-оранжевой краской, в одном — черной и в другом — зеленой. Один из чертежей, обозначенный нами № 2, отделан особенно парадно. Основные линии красного цвета обведены с обеих сторон зелеными линиями. Таким образом, все контуры чертежа имеют тройную линию обводки. Все линии проведены по линейке, кривые нанесены циркулем, о чем свидетельствуют следы уколов в центрах. Точность начертания прямых уг-

лов, параллельных линий и построения многоугольников почти безукоризненная. Массивы стен обозначены штриховкой в клетку, нанесенной под углом 45° к основным осям зданий. Линии протянуты насквозь через пролеты арок, дверей и окон, так что пролеты отличаются от массивов только отсутствием штриховки. Все планы вычерчены на квадратной сетке, являющейся, по видимому, масштабной сеткой (об этом будет сказано ниже).

Чертежи расположены в свитке следующим образом.

Чертеж № 1 представляет собой, надо полагать, начало рукописи, хотя край его оборван; он дает план композиции сталактитов в углу квадрата — половины ниши или четверти купола.

Чертеж № 2 дает план прямоугольного здания (рис. 5), состоящего из пяти основных частей — центральной и угловых, разделенных четырьмя входными группами помещений. Центральная часть имеет обычную композицию мавзолея, т. е. представляет собой квадрат с четырьмя глубокими нишами на главных осях. В ниши открываются входы, обработанные различно. На коротких сторонах прямоугольника — входы одинаковой обработки. На длинных сторонах обработка входов иная и различная на каждой стороне. Таким образом четко выявлены главный фасад, боковые и задняя стены.

Вход переднего фасада имеет глубокую нишу — пештак, по ширине равную центральному квадрату и глубиной более полуквадрата. Непосредственно из нее сквозь очень толстую стену ведет проход в центральную часть. В проходе стоят два массивных столба прямоугольного сечения, расчленяющие проход на средний широкий проем и боковые — узкие (уже столбов). Ниша этой стороны в центральном зале служит как бы продолжением прохода и имеет одинаковую с ним ширину.

Входы боковых сторон обработаны порталами меньшего размера со срезанными внутренними углами. В углах устроены ниши и в них небольшие проемы, ведущие в угловые части здания. В средней грани портала устроена еще граненая ниша, из которой узкий дверной проем ведет в небольшие сени, имеющие форму прямоугольника (5×6 м) со срезанными углами. Из сеней боковые двери ведут в угловые части здания, а дверь на оси открывается в нишу центрального зала. Оба боковых входа в точности повторяют указанную композицию.

Наконец, задний вход, расположенный против главного, имеет очень скромную прямоугольную нишу, несколько меньшую даже, чем ниши главного зала. В щековой стене ниши устроена меньшая ниша,

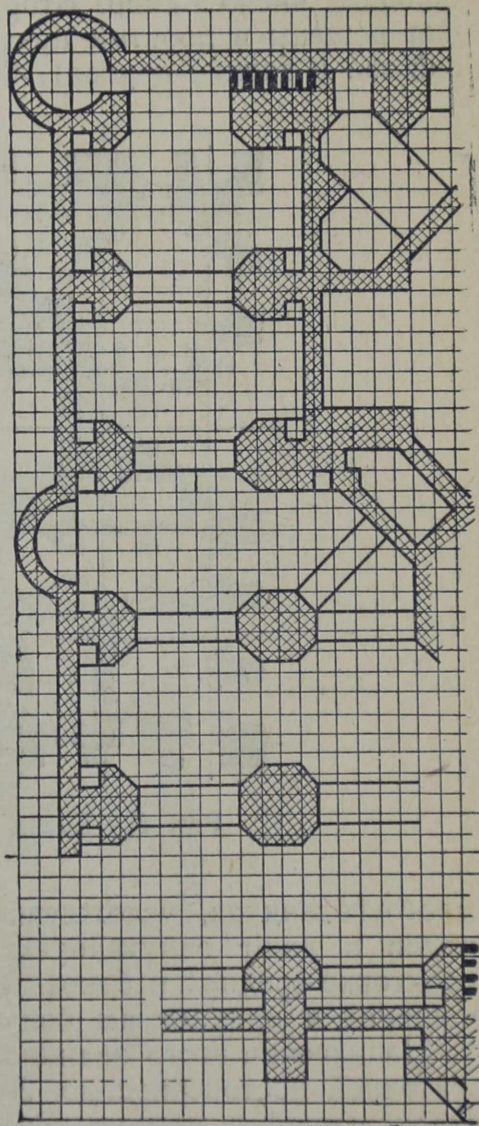

Рис. 4. Чертеж № 8 рукописи.
План мечети

также прямоугольная. Проход (по ширине равный средней части главного входа) ведет из нее в нишу центрального зала.

Угловые части здания отличаются композицией, попарно повторяющейся. Комбинации помещений по сторонам главного входа одинаковы, но разнятся от комбинаций задней стороны. Первые, вследствие значительной глубины главного пештака, имеют большую площадь и большее число камер. Вторые — меньшей величины. Средние помещения решены в простых прямоугольных формах (главный портал, средний зал и задний портал). Обе пары боковых помещений имеют форму

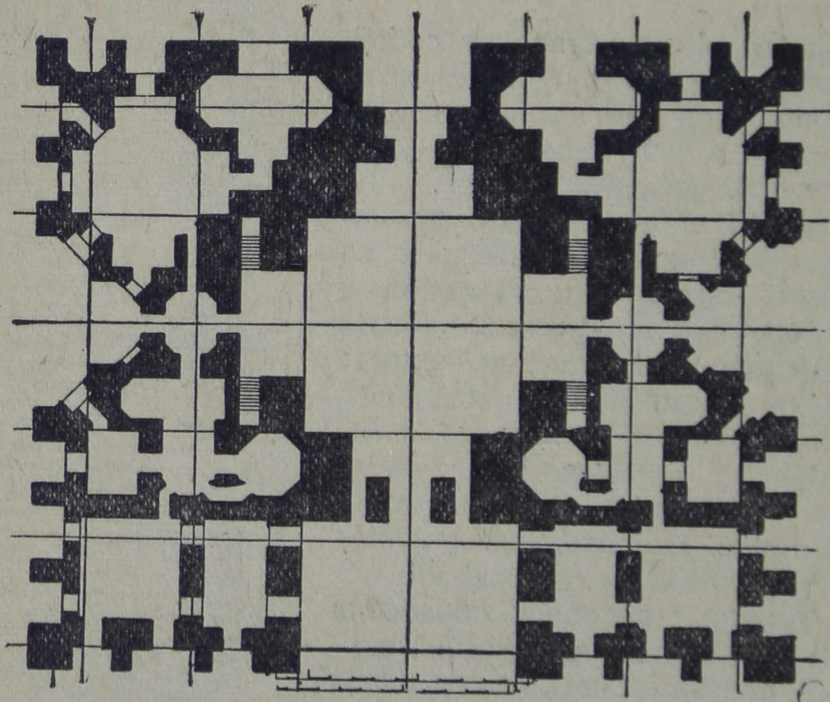

Рис. 5. Копия с чертежа № 2. План мавзолея

многоугольников, усложнены большим количеством ниш, нишек, проходов и дают запутанную, дробную композицию. Такая разница в трактовке средней и боковых частей выгодно выделяет центральные помещения и придает им большую монументальность.

Назначение этого здания, как нам кажется, можно определить с достаточной достоверностью. Это — мавзолей, усложненный пристройками, развивающий и несколько усложняющий типы мавзолеев Ак-Сарая и Ишрат-хана в Самарканде, Багауддина близ Бухары (рис. 6, 7, 8). Можно предположить, что перекрытие среднего зала сделано по типу этих мавзолеев, т. е. двумя парами перекрещивающихся арок, с куполом на среднем квадрате и с большим или меньшим количеством сталактитовых комбинаций в нишах и углах. Подобное устройство перекрытий сменило в XV в. прежний прием постановки купола на четырех угловых парусах того или иного типа.

Очевидно связанность размерами помещения и пролета купольного перекрытия заставила мастеров искать новые приемы перекрытия, которые позволили уменьшать диаметр купола, не уменьшая в то же время размеров перекрываемого помещения. Один из первых опытов новой системы можно видеть еще в небольшой мечети при мавзолее Туман-Ака (начало XV в.) в комплексе Шах-и-Зинда. Свое окончательное выражение новая конструкция получила в мавзолеев Ишрат-хана и Ак-Сарай в Самарканде, относящихся ко второй половине XV в.

(рис. 6 и 7). В памятниках Бухары и ее окрестностей эта конструкция применяется очень часто с начала XVI в. Здесь она получает блестящее декоративное оформление и украшается сталактитами и росписью по кундалю в разнообразнейших вариациях (базарный купол Токи-Саррафон, Дарс-хана в медресе Кукельдаш, усыпальница в медресе Мири-Араб, мавзолей-хонако Абдул-Азиса в Багауддине и многие другие).

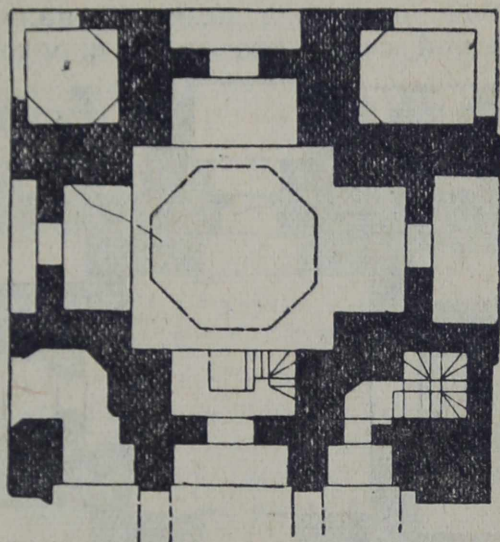

Рис. 6. План мавзолея Ак-Сарай в Самарканде
(по М. Е. Массону)

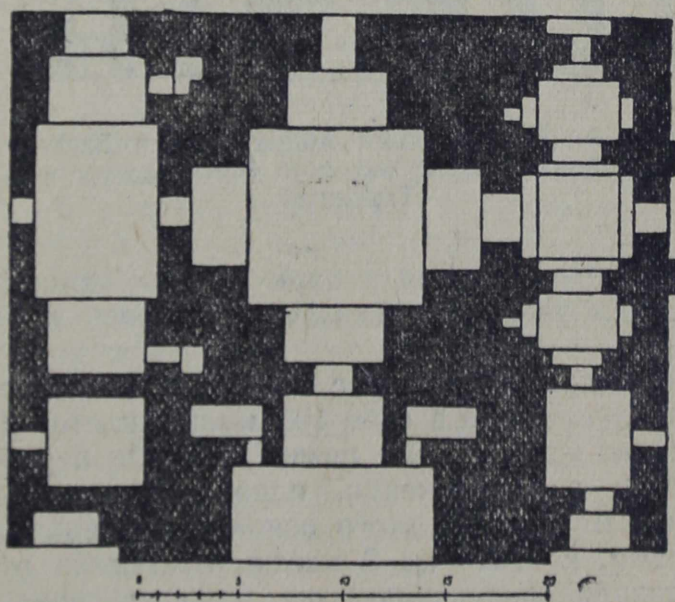

Рис. 7. План мавзолея Ишрат-хана в Самарканде
(по М. Е. Массону)

Большое сходство в композиции рассматриваемого нами плана с указанными сооружениями Бухары, наличие четырех глубоких ниш в стенах по сторонам квадрата позволяют, как нам кажется, считать высказанное выше предположение о его назначении достаточно достоверным. Четыре лестницы в толще пилонов близ боковых порталов подсказывают мысль, что угловые части здания имеют вторые ярусы подобно мавзолею Ишрат-хана. Учитывая известную традиционность общих пропорций, принятые в XVI в. приемы начертания четырехцент-

ровых кривых арок и куполов и существующие аналогии, не так трудно на основании данных плана восстановить в общих чертах его объемную композицию. Этому помогает и то, что весь план расчерчен на квадратные клетки, причем выделены большие квадраты, по 10 клеток в стороне. Малые клетки начерчены оранжево-красными линиями, а большие квадраты — черными линиями. Разметка клеточками начинается от крайних точек чертежа, охватывая таким образом всю его площадь. Эта разметка, очевидно, заменяла нашу масштабную линейку. Наличие квадратной сетки позволяет определить размер каждой

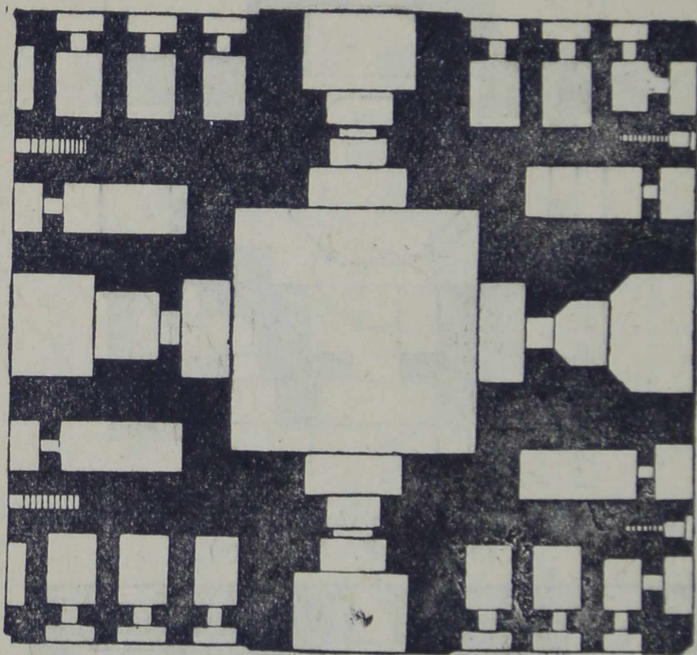

Рис. 8. План мавзолея Абдул-Азиса в Багаудине близ Бухары (по фото Музея искусств в Ташкенте)

детали плана, даже не прибегая к циркулю или измерительной линейке. Этот прием, как уже было сказано, применен на всех чертежах планов.

На прилагаемом чертеже (копии с подлинника) показаны лишь большие квадраты, заключающие в себе 100 малых клеток (10×10). Чтобы облегчить чтение чертежа, мы позволили себе перенести эти деления на две клетки в направлении, параллельном главному фасаду (т. е. продольные). Вследствие этого основные деления совпали с обеими главными осями, но зато на 2 клетки отступили от «красной линии» фасада. Главная (поперечная) ось и на оригинале совпадает со средним делением. Таким образом, ясно видно, что главный зал имеет площадь в 4 больших квадрата, т. е. равен 20×20 малых клеток. Ширина главного портала также равна 20 клеткам, глубина—14 клеткам. Задний портал имеет в ширину 10 клеток, в глубину—6, т. е. почти вдвое меньше. Боковые порталы равны 16 клеткам шириной; их глубина, равная пяти клеткам, увеличивается глубиной граневых малых ниш еще на пять клеток. Лестницы, выходящие в боковые ниши главного зала, имеют на 1 клетку 2 проступи и три подступенка¹.

¹ В оригиналах лестницы, вероятно для большей четкости чтения, имеют ступени, окрашенные через одну буроватой краской, очевидно полученной из смешения зеленоватой и красноватой красок — основных цветов линий чертежа.

Расчерчивание чертежа на клетки несомненно имело значение нашего масштаба; одновременно в качестве модуля оно не могло не влиять на пропорции общей композиции плана здания. Величина этих клеток может быть выяснена, если обратиться к мерам длины, применявшимся старыми мастерами. Мера длины, постоянно упоминающаяся у путешественников, описывающих памятники, — «гяз». Величина гяза пока еще точно не определена, да и вряд ли может быть установлена, так как в средние века не особенно заботились о введении точных эталонов мер, а измеряли длину крупных предметов шагами, малых — длиной частей тела. Разумеется, что поэтому величины мер могли значительно различаться в разных районах, в зависимости от этнических типов населения.

Ф. И. Петрушевский¹ дает для Бухары следующие определения мер длины: шахский гяз — шахи-гязи делится на 2 полугяза (ним-гязи) или на 4 четверти (чиряки-гязи). Два шахских гяза составляют большой гяз. В переводе на старые русские меры (в сущности также взятые с Востока) большой гяз равен одной сажени; шахи-гязи — полтора аршинам, или 24 вершкам (1,07 м); ним-гязи — 12 вершкам (0,54 м). Последняя мера почти совпадает и с европейским «локтем», величина которого также приблизительно равна 50 см. Для Ирана Петрушевский указывает наличие двух гязов; шахского, который равен 22,86 вершка, и мокассарского, равного 21,03 вершка. Первый почти точно совпадает с величиной метра (1,016 м), второй — несколько меньше (0,946 м).

Таким образом, для анализа чертежей можно без большой погрешности считать величину гяза равной одному метру. Прикидывая указанные величины различных гязов к величине клеток рассматриваемого чертежа, можно определить, что ближе всего к ним подходят размеры полугяза (ним-гязи), равного 0,538 м, или, для круглого счета — полуметру. Эта величина нормально укладывается в размеры отдельных деталей плана: пролет зала мавзолея и главного пештака оказывается равным 10 м, ширина большинства дверей и проходов — около 1 м. Ширина лестниц — 1 м; ширина ступеней — 25 см; высота их — около 18 см. Для подобных сооружений все эти размеры весьма подходящи и в значительной степени подтверждают предположение о размере клетки. На этом основании нами и был причерчен масштаб в репродуцируемой копии плана. Площадь всего плана 35×29 м.

С точки зрения чертежной техники оригинал рассматриваемого плана (рис. 9) выполнен тщательнее всех других; линии нанесены красно-оранжевой и зеленой красками, контуры стен обведены тройными линиями, плоскости разреза стен заштрихованы в клеточку зелеными линиями под углом в 45° к основным осям. Масштабные клетки нанесены оранжево-красными линиями, а каждые 10 клеток отделены черной линией. Счет клеток начинается по главной оси — от красной линии фасада; по перпендикулярной оси — начинается от главной оси и заканчивается у боковых фасадов полуквадратами (по пяти клеток).

Чертеж № 3, как и первый чертеж, дает план обработки сталактитами ниши или купола. Изображена также четверть купола или половина ниши — угол в квадратном плане.

¹ Ф. И. Петрушевский. Общая метрология. СПб., 1849. Меры Бухары — стр. 59-60, Ирана — стр. 387-388. Перевод с прежних русских мер на метрические сделан автором.

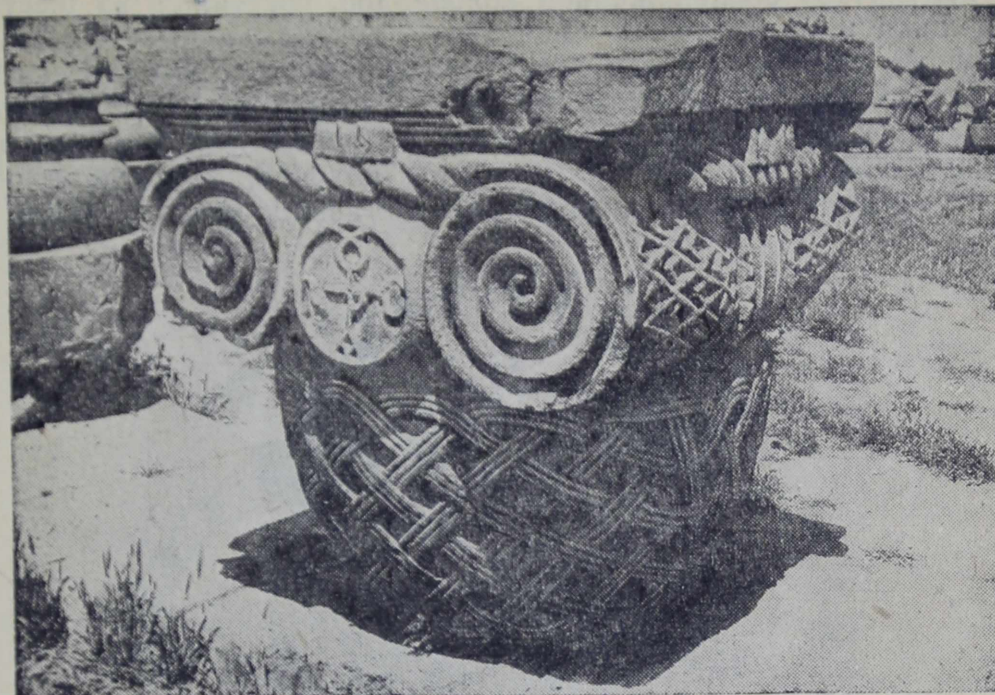

Рис. 2. Храм Звартноц. Капитель с кистенкой

Рис. 3. Храм Звартноц. Капитель больших колонн

собой полукругло расположенной колоннадой, состоящей из шести колонн в каждом полукруге. В план храма вписан, таким образом, равносторонний крест, стена восточной (алтарной) стороны которого была украшена фреской и мозаикой, о чем свидетельствуют найденные при раскопках фрагменты. Позади каждого из четырех пилонов, в сторону наружной стены, высится по одной колонне, увенчанной огромными капителями с изображением распластавших крылья орлов.

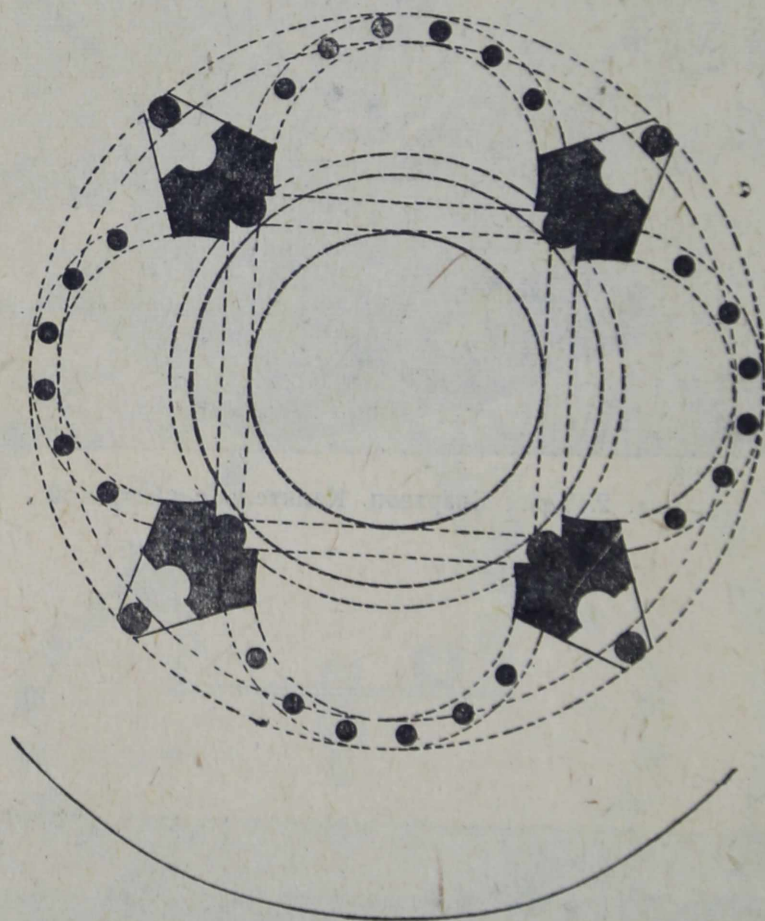

Рис. 4. Храм Звартноц. Схема перекрытия (по Тораманяну).

Тораманяна особенно заинтересовало назначение этих колонн, ибо, по его предположению, они не могли иметь только декоративное назначение, но по всей вероятности играли важную роль в сложной конструкции храма. И действительно, выяснение назначения указанных колонн явилось как бы ключом к реконструкции всего сооружения. Тщательные обследования привели Тораманяна к выводу, что эти четыре колонны вместе со средними частями четырех полукругло расположенных сторон вписанного в круг креста образовывали круглое основание для поддержки стены второго яруса (см. на рис. 4 двойной круг, обозначенный пунктиром). Внутренние полуколонны и промежуточные арки поддерживали купол храма вместе с барабаном, составлявшие третий ярус храма.

К этим выводам Тораманян пришел постепенно, тщательно проверяя все наличные данные. Вопросы же, которые не могли быть достаточно освещены с помощью вещественных данных, он разрешал, руководствуясь глубоким архитектурным чутьем, никогда не изменявшим ему во всех его исследованиях.

Смелая реконструкция, составленная Тораманяном, в свое время вызвала оживленную полемику. Нашлись люди, которые взяли под сомнение правдоподобность воссозданной им трехярусной композиции храма. Эта полемика приобрела настолько резкий характер, что напуганный ею архимандрит Х. Дадиян—инициатор раскопок храма Звартноц, вырезал из тораманяновского чертежа третий ярус, и поэтому чертеж дошел до нас в изуродованном виде.

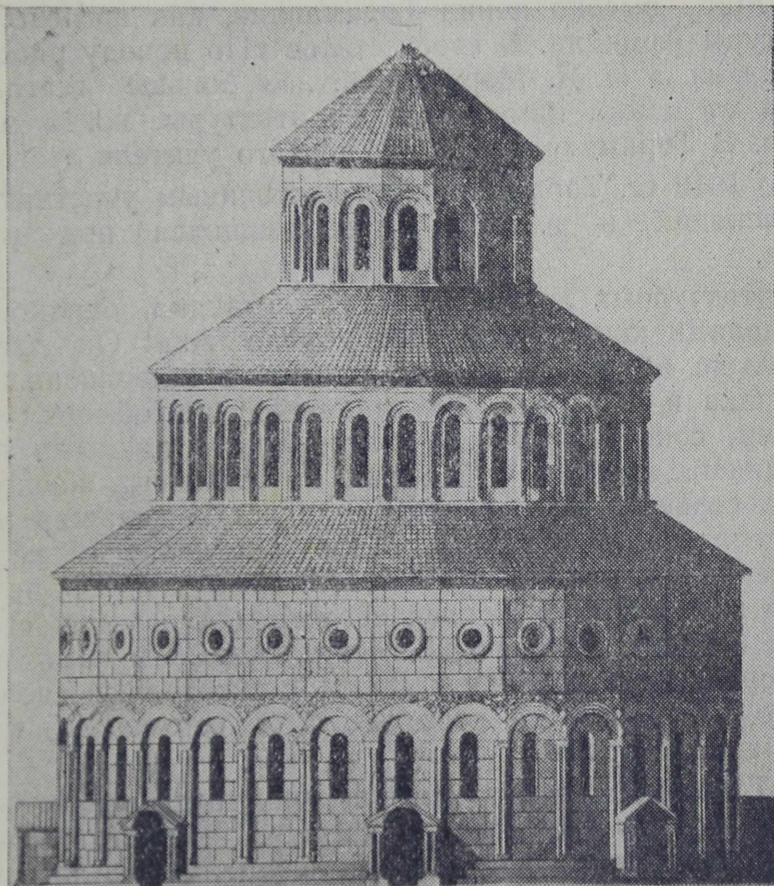

Рис. 5. Храм Звартноц. Фасад (реконструкция арх. Тораманяна)

Однако дальнейшие изыскания, подтверждающие гипотезу Тораманяна, восстановили его авторитет ученого, способного читать, как раскрытую книгу, страницы прошлого по руинам памятников. При раскопках Ани, проведенных под руководством Н. Я. Марра в 1905—1906 гг., были обнаружены развалины так называемого храма Гагикашен. Этот храм, сохранившийся несколько лучше Звартноца, был построен, как свидетельствует историк-современник Асогик, в конце X в. армянским царем Гагиком Багратуни по типу и даже по размерам храма Звартноц. Во время раскопок Ани среди прочих архитектурных ценностей было найдено и скульптурное изображение царя Гагика, державшего в руках модель построенной им трехярусной церкви.

Редкая находка вызвала огромный интерес. Она рассеяла возникшие сомнения и блестяще подтвердила предположение Тораманяна о композиционной форме Звартноца.

После тяжелой зимы в Ани Тораманян почувствовал, наконец, глубокое моральное удовлетворение. Эта работа осталась одной из наи-

более интересных и оригинальных среди его дальнейших многочисленных исследований.

О своей реконструкции храма Звартноц Тораманян впервые написал в армянском журнале «Мурч»¹.

Исключительно плодотворно было для Тораманяна знакомство с академиком Н. Я. Марром, который не только оказал ему всестороннюю моральную и материальную поддержку, но и сыграл огромную роль в организации и направлении его исследовательских способностей. Н. Я. Марр высоко ценил Тораманяна, как исследователя древней архитектуры Армении. В своей статье «По поводу работы архитектора Тораманяна...» Н. Я. Марр писал: ...«я больше всего жду здорового света от языка памятников архитектуры, когда мы научимся понимать его. В Тораманяне я вижу первого учителя этого языка».

С 1904 по 1912 гг. Тораманян был постоянным участником археологических раскопок в г. Ани, проводившихся под руководством Н. Я. Марра.

Круг архитектурных исследований Тораманяна, однако, не ограничивался пределами крепостных стен города Ани. Он охватывал все больше и больше объектов, расположенных в живописных ущельях и долинах Ширака и Айрарата. Тораманян изучал, обмерял и зарисовывал памятники, сопоставлял свои материалы с данными иностранных путешественников, которые, проезжая по Армении, наспех собирали материалы и, серьезно не разработав, зачастую искажая их, публиковали свои исследования в печати. Много противоречий находил Тораманян в материалах, изданных Дюбуа, Тексье и др. Однако, не имея материальной поддержки и личных средств для издания своих трудов, он вынужден был ограничиваться выступлениями в периодической печати, при посредстве которой и делился с читателями своими мнениями, энергично настаивая на необходимости серьезного изучения памятников армянской архитектуры.

Из работ Тораманяна в Ани следует упомянуть реконструкцию храма Гагикашен, церкви Бахтагеки, Пастушьей церкви у Ани, древнего моста, перекинутого через реку Ахурян в ущелье у Ани.

Исследования архитектурно-пространственных форм храма Гагикашен, Пастушьей церкви (также трехрусной) и однотипного храма в Бана еще раз убедили Тораманяна в безусловной достоверности представленного им проекта реконструкции Звартноца.

Н. Я. Марр не только всячески поощрял Тораманяна, но и старался ознакомить архитектурную и научную общественность России с его исследованиями. По инициативе Марра, в 1909 г., при историко-филологическом отделении Академии Наук была создана комиссия по рассмотрению обмеров и зарисовок, произведенных Тораманяном в Ани. Комиссия, состоявшая из авторитетных лиц, — академиком К. Г. Залемана, Н. П. Кондакова, С. Ф. Ольденбурга. Н. Я. Марра и академиком архитектуры Н. В. Султанова и М. Т. Преображенского, достойно оценила работы Тораманяна. «Комиссия единогласно постановила довести до сведения историко-филологического отделения, что за снимками и обмерами Тораманяна она признает большую научно-художественную ценность и считает дальнейшую работу в Ани весьма полезной для науки и искусства».

¹ Эта статья входит в сборник Тораманяна «Материалы по истории армянской архитектуры». Изд. Арм. филиала Академии Наук СССР 1942 г. (стр. 247—251).

Практической работе Тораманяна в качестве архитектора-археолога постоянно сопутствовали и теоретические труды, среди которых особый интерес представляют его исследования ранних памятников армянской архитектуры — храмов с центрально-купольной композицией, имеющих в плане четыре полукруглых абсиды (тетраконхиц), и типа базилик, также распространенных в Армении раннего периода.

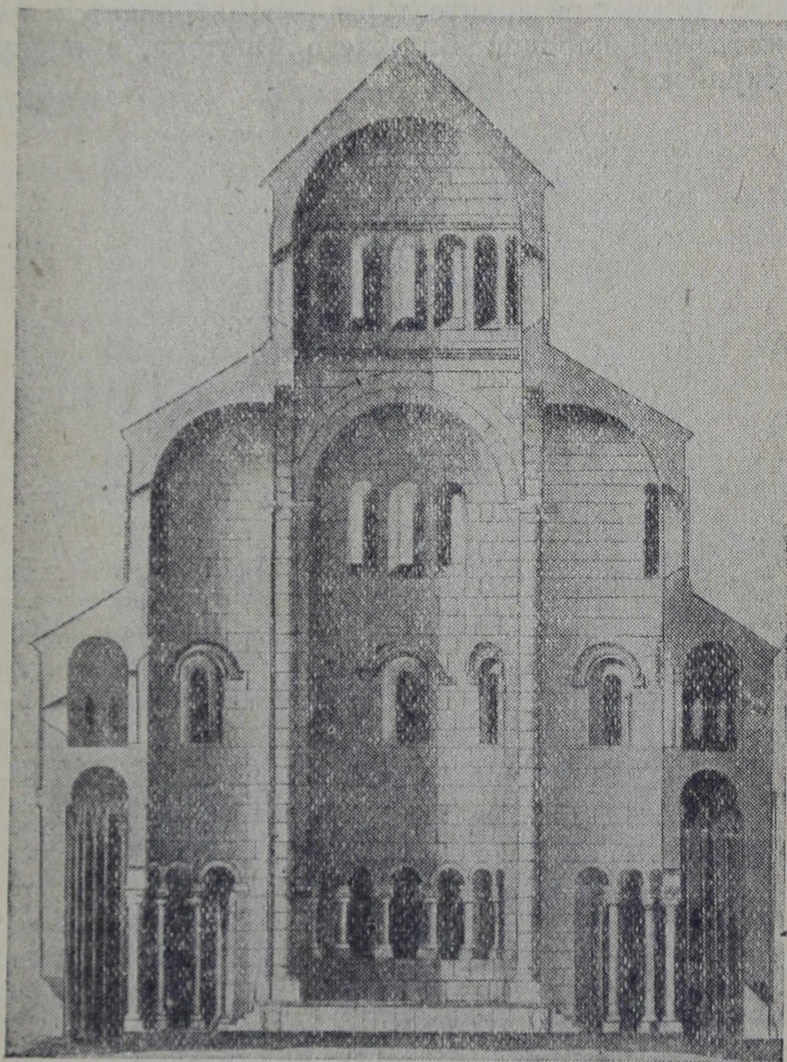

Рис. 6. Храм Гагикашен. Разрез
(реконструкция арх. Тораманяна)

В 1909 г. в записках Восточного отделения Археологического общества, в переводе Н. Я. Марра, опубликовано исследование Тораманяна под заглавием «О древнейших формах Эчмиадзинского храма». Годом позже оно было напечатано и на армянском языке в журнале «Азггаракан Хандес». В этой работе, на основании архитектурных и археологических наблюдений, автор создает теорию хронологического развития крестообразных храмов в Армении и, анализируя существующие формы и детали, выясняет древнейшие формы Эчмиадзинского храма и изменения, которым он подвергся в течение своего долгого существования.

В 1911 г. Тораманян издал монографический труд «Текорский храм», в котором на основе тщательного изучения ранних памятников он освещает принципиальные вопросы развития армянской архитек-

туры. На конкретном примере архитектурного анализа одного из древнейших памятников — Текорского храма — он изучает процесс развития храмовой архитектуры, переход к базилике, перекрытой куполом.

«Текорский храм» — наиболее капитальный труд Тораманяна, далеко выходящий за пределы монографического исследования. Здесь излагается ход развития архитектуры Армении от самых ее истоков, причем история армянской архитектуры рассматривается в связи с развитием архитектуры народов Ближнего Востока, в первую очередь, иранской и сирийской.

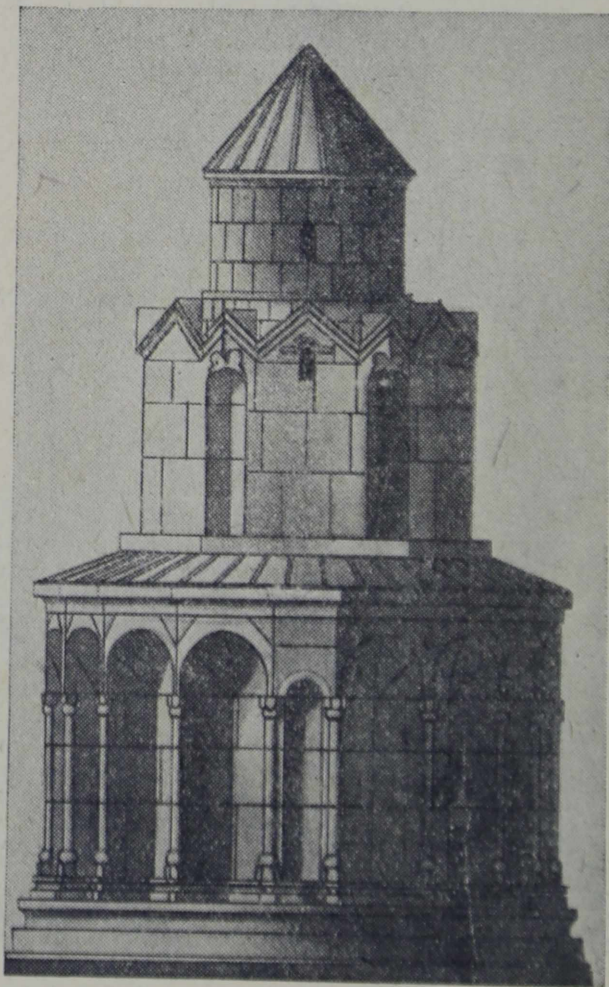

Рис. 7. Ани. Пастушья церковь, фасад (реконструкция арх. Тораманяна)

Тораманян находил, что генезис армянской архитектуры связан с развитием архитектуры ассиро-халдской, сассанидской, затем классической архитектуры Греции и Рима (в определенные периоды), позже — сирийской. Самым решительным образом он отвергает мнение некоторых ученых, считавших армянскую архитектуру восточным отголоском византийского зодчества, и на конкретных примерах показывает совершенно своеобразные черты армянской национальной архитектуры. «Влияние искусства, как древнего ассиро-халдского, сассанидского, а также греко-римского не было продолжительным, — говорит он, — оно быстро растворялось в армянском искусстве, в его определенном самобытном стиле и совершенно преобразовалось соответственно местным вкусам и строительным традициям».

Останавливаясь на вопросе о степени влияния сирийской архитектуры на раннюю храмовую архитектуру Армении, Тораманян находит, что это влияние в начале проникновения христианства в Армению могло быть весьма значительным, поскольку Сирия являлась одной из стран первоначального распространения христианства на Ближнем Востоке. «Зарождение форм древнеармянских церквей мы обязаны искать в этих странах», — говорит Тораманян. Он приводит параллели и аналогии для доказательства своих выводов, которые, судя по многим историческим и археологическим данным, должны быть признаны вполне обоснованными.

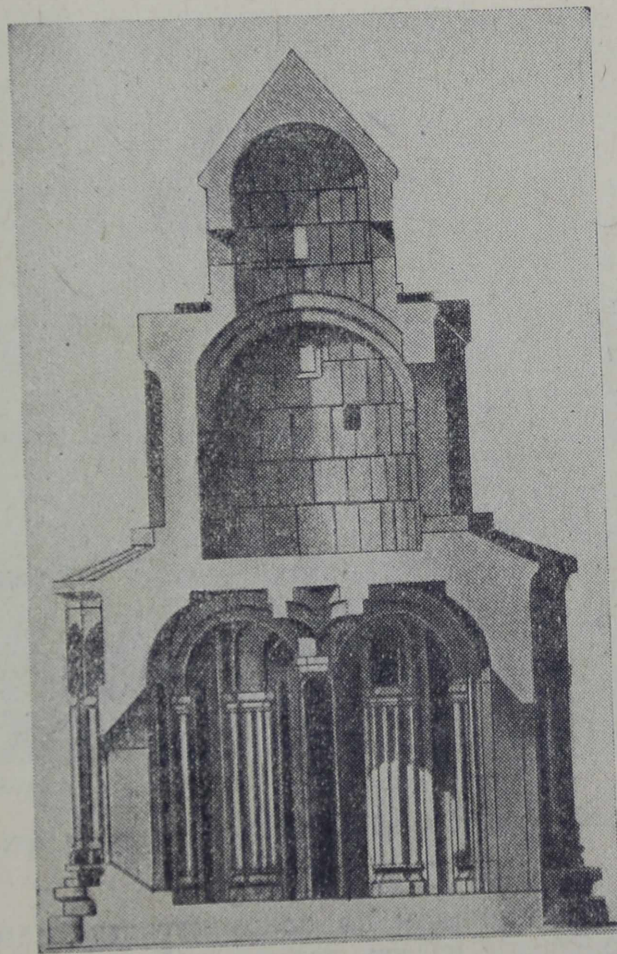

Рис. 8. Ани. Пастушья церковь, разрез
(реконструкция арх. Тораманяна)

Тораманян отмечает проникновение в Армению классики, особенно римской, в связи с принятием армянами христианства. По его мнению это проникновение могло идти «из Рима по тому же пути, по которому шло искусство, и эта дорога, по всей вероятности, шла через Сирию и Малую Азию»...

В отдельных деталях Текорского храма Тораманян склонен видеть воздействие римской архитектуры; таковы — наличие фронтона с тимпаном на западном фасаде храма (очень редко встречающиеся в памятниках армянской архитектуры), обработка поля наружных стен трехчетвертными колоннами с капителями наподобие коринфских. Существование же стилобата, крепидоны и крытой галереи вокруг базилики Тораманян относит к греко-римским архитектурным традициям.

Издание отдельных монографических трудов и статей не могло удовлетворить неутомимого ученого. Его целью была подготовка к печати на основе накопленного обильного фактического материала капитального труда об армянской архитектуре. Но в дореволюционных условиях добиться этого было нелегко.

В 1911 г. в Армению прибыла возглавляемая проф. И. Стржиговским экспедиция, организованная Венским университетом. Тораманян познакомился с венским профессором, который был весьма доволен «находкой» в лице Тораманяна, обладавшего обширными познаниями по истории, литературе, археологии и архитектуре Армении, а вместе

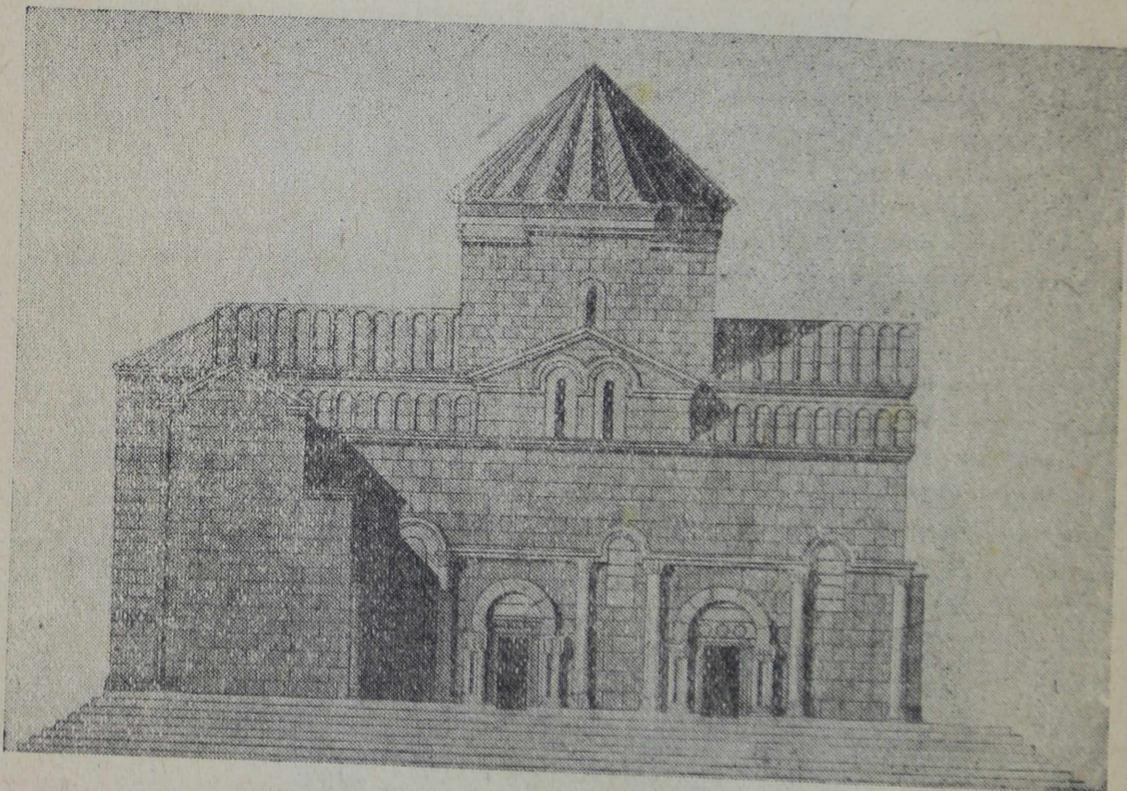

Рис. 9. Текорский храм. Южный фасад (реконструкция арх. Тораманяна)

с тем и обильным материалом по архитектурным памятникам. Предложение Стржиговского — издать совместный труд было принято Тораманяном. По отъезде Стржиговского в Вену Тораманян поддерживал с ним письменную связь. В 1913 г. ему удалось выехать со своими материалами в Вену. Пробыв там некоторое время, Тораманян вернулся в Армению. Начало войны 1914—1918 гг. лишило его возможности вторично съездить в Вену. Не дождавшись новой встречи с Тораманяном, И. Стржиговский в 1918 г. издал в Вене свою двухтомную работу «Die Baukunst Armenien und Europa», полностью воспользовавшись обмерами, фотоснимками и даже концепциями Тораманяна.

Тораманян узнал об этом значительно позже. Все, чего мог он добиться, это получить обратно из Вены свои материалы, что и было достигнуто при содействии советских органов. К сожалению, материалы были возвращены Тораманяну далеко не в полном объеме.

Война 1914—1918 гг. пагубно отразилась на судьбе трудов выдающегося ученого. Часть очень ценных его работ была утрачена во время эвакуации научных материалов из Ани в 1918 г. Эта потеря бы-

ла настолько чувствительна, что Тораманян не мог забыть о ней до конца своей жизни.

Советская власть окружила Тораманяна заботой, обеспечила его моральной и материальной поддержкой. С первых же дней установления советской власти в Армении Тораманян принял деятельное участие в работах Комитета по охране исторических памятников своего возрожденного народа и в организации отдела архитектуры при Историческом музее. Правительство Советской Армении оценило выдающиеся труды ученого, присвоив ему звание заслуженного деятеля науки.

Несмотря на преклонный возраст, Тораманян с большой энергией принялся за приведение в порядок своих трудов, подготавливая к печати сборник «Материалов по истории армянской архитектуры». Однако ему не было суждено завершить эту работу: на семидесятом году оборвалась жизнь ученого.

Как скромно говорил Тораманян о себе, — он «открыл тропинку», которую надо сделать широкой дорогой.

В годы Великой Отечественной войны с заклятыми врагами культуры — фашистскими захватчиками — в издании Армянского филиала Академии Наук СССР был выпущен большой, богато иллюстрированный сборник: «Материалы по истории армянской архитектуры» объемом в 40 печатных листов (1942). В сборник вошли как ранее изданные труды Тораманяна, так и рукописные материалы.

Книга включает следующие разделы: 1) остатки архаической архитектуры Армении (памятники мегалитической культуры, долмены, кромлехи, могильники, крепостные постройки и укрепленные поселения дохристианской эпохи); 2) общие статьи об архитектуре V—XIII вв. (статьи об основных вопросах армянской архитектуры, о строительном искусстве, об отличительных чертах памятников определенных веков и др.); 3) церковная архитектура Армении (монографические труды «Текорский храм», «Эчмиадзинский храм», «Звартноц» и др.); 4) светская архитектура древней Армении. В конце книги приложены словарь употребляемых Тораманяном архитектурных терминов (армянских и французских), список иллюстраций и список обмеров, находящихся у наследников покойного ученого.

1970 Н.

Ответственный редактор Д. Е. Аркин

Подписано к печати 23/XI 1944 г.
А12201. 4 п. л. Уч.-изд. 6,2 л.
Изд. № 78а. Тираж 3 000 экз.
Цена 6 руб. Зак. № 326.

Филиал тип. изд-ва «Московский
большевик», Москва, Петровка, 17.

1970 Н.

Цена 0 руб
БЕСПЛАТНО

36